

п-887-11.9
2106/бр.

ОГИЗ
ГОСЛТИЗДАТ
1943

1 py6.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00743803

1

1) 32B9

2) 2C42

3) T-1000
at crest
low tide

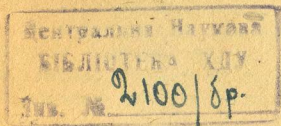
СУЛЕЙМАН РУСТАМ

P-897-н.г.

НАСТАНЕТ ДЕНЬ

СТИХИ

Перевод с азербайджанского

О Г И З

Государственное издательство художественной литературы

Москва 1943

58

К л я т в а

Красным знаменем непобедимым — клянусь!
Всем союзом народов любимым — клянусь!
Драгоценною Сталина жизнью — клянусь!
Кровью, льющейся за отчизну, — клянусь!
Пусть отрубит мне голову вражеский меч,
Но от родины сердце моё не отсечёт!

Красной Армии силой и славой — клянусь!
Речью сталинской величавой — клянусь!
Всеми чаяниями народа — клянусь!
Нашей правдою, честью, свободой — клянусь!
Солнце счастья народов в бою отстою!
Лишь победой мой праведный гнев утолю!

Хлебом, в честной работе добытым, — клянусь!
Сердцем, дружбе великой открытым, — клянусь!
Дружбе стран, в неразрывный сомкнувшийся круг, —
Я не выпущу стали разящей из рук!
И пока вновь свободно земля не вздохнёт,
На глаза сулеймановы сон не сойдёт!

Я бессмертной народной силой — клянусь!
Враг найдёт в наших землях могилу — клянусь!
Чтобы сгинул со света фашизм навсегда,
Чтоб цвело государство ума и труда,
Сулейман — песнотворец, аскер¹ и игит² —
Жизнь отдаст, но за родину он отомстит!

¹ Аскер — воин, боец (азербайдж.).

² Игит, или джигит — удалец, храбрец.

Кавказской армии

Нет, не допустит наша мысль
и сердце в грозный час,
Чтоб кровью братской изошёл
седой святой Кавказ!
Азербайджанец, армянин,
и русский, и грузин —
То ваша ненависть встаёт,
как море из глубин.
Стань, каждый камень, рубежом
и крепостью в горах!
Мы не склонимся головой
перед врагами в прах.
Горды народы вольных гор,
свободно дышит грудь;
Врагу — орлиных наших крыл
веки не согнуть.
В народе воскрешён Бабек¹,
и оживает быль;
Давид встанет, и Тариэл,
и пламенный Шамиль.
Стань, каждый камень, рубежом
утёсами в горах,
Иголке некуда упасть —
так тесно в их рядах.
Немолчно ржание коней, —
они, под гром копыт,
Несутся в бой, грызут врага
в пылу кровавых битв.
Запомни, доблестный боец,
что если лютый враг
Ордою вступит на Кавказ,
неся разор и мрак, —
Он в пепел дом твой обратит,
в золу — цветущий двор...

¹ Бабек — народный герой Азербайджана. Возглавляя национально-освободительную борьбу в IX веке.

Убей врага — и подвиг твой
прославят люди гор.
Жена твоя и малый сын,
твоя седая мать —
Все ждут, что ты отцовский кров
сумеешь отстоять.
Опорой родины ты стал
в суровый бранный час;
Ужели вражеской ногой
топтать родной Кавказ?
Пускай прольётся кровь твоя
из пламенной груди —
Во имя гибели врага
и счастья впереди.
Баку — за нами. Постоим
за древний наш Кавказ!
Назад ни шагу! Бей врага! —
Вот боевой приказ.
То голос родины твоей, —
внимай ему, как сын.
Блестят отцовской сединой
снега крутых вершин.
Мы с малых лет растём в борьбе,
мы рождены в боях;
Нам перед бурей и грозой
неведом рабский страх.
Пускай погибнешь ты в бою, —
бессмертен дух бойца,
И в песнях девушки страны
прославят храбреца.
Где враг прошёл — там дым и гарь,
зола в степях лежит;
Сожмёшь в ладони горсть земли —
земля кровоточит.
Так пусть за кровь твоей страны
заплатит вражья кровь.

Убей врага, чтоб оправдать
отцовскую любовь.
Ужели немцам гарцевать
по склонам древних гор?
Ужели в рабство ты отдашь
своих родных сестёр?
Отчизна смотрит на тебя,
и ждёт седая мать.
Убей врага, чтоб без стыда
родимую обнять.
Немало ты побил врагов —
стократ сильнее руби!
Во имя родины твоей,
святой твоей любви!

Душа Кавказа говорит

Нет, ты не трус, твой меч остёр,
душа моя!
Твой лоб открыт и зорок взор,
душа моя!
Не розы — кровь теперь в садах земли моей,
Не пенье птиц, а пенье пуль и плач детей.
Враги казнят моих сестёр,
душа моя!
Чтоб ты врагов, как пыль, растёр
и слабых спас,
Отчизна-мать дала приказ,
душа моя!
Оберегай родной простор дороже глаз, —
Ведь на тебя глядит Кавказ,
душа моя!
Священный край, Бабека дом, — твоя страна!
Ты не привык бояться ран,
душа моя!
Врага, забывшего о том, судьба страшна:
Дом храбрецов — Азербайджан,
душа моя!

Где Кёр-Оглу¹ когда-то жил, —

цел замок тот,

Так отомсти за вопли вдов и плач сирот,

Преданья славы для веков хранит народ...

Без родины какая жизнь,

душа моя?

Отчизна труса проклянёт,

прогонит в ночь

И, отрекаясь, оттолкнёт с порога прочь,

И плюнут вслед жена и мать, и сын и дочь...

Лишь победителем вернись,

душа моя!

Поверь мне, смертью храбреца

не испугать, —

Смерть — только миг: где пал герой,

там встанет рать, —

Он не мгновения — века привык считать,

Он даже мёртвый бьёт врага,

душа моя!

Не победит палач и вор страну твою —

Все племена кавказских гор с тобой в строю

Твой мудрый, старший, русский брат с тобой в
строю!

И будем вместе мы в бою,

душа моя!

Скажи друзьям: идёт Бабек, Шамиль идёт, —

Перешагнув из века в век, спешат в поход.

Здесь мёртвых нет — все предки здесь в тяжёлый год

В любой семье нашли приют,

душа моя!

Страшна врагам такая рать,

где мёртвых нет,

Где правнук прадеду собрат и внуку — дед!

Кавказ бойцов своих собрал за сотни лет

И грозно щурится седой,

душа моя!

¹ Кёр-Оглу — легендарный народный герой. Подвиги Кёр-Оглу воспеты в крупнейшем произведении азербайджанского народного эпоса «Кёр-Оглу».

Отрежь захватчикам пути, любимый мой!
Сад нашей жизни защити, любимый мой!
Назад ни шагу — тросу нет пути домой...
Любовь горит в моей груди,

душа моя!
Детей убитых кровь кричит,
ты слышишь, друг?
Ты отомсти, — тогда вернись,
душа моя!

Грозою яркой пронесись, — ты слышишь, друг?
Тогда к возлюбленной вернись, —
душа моя!

Промчись победною грозой, — тогда вернись,
Песнь Кёр-Оглу в сраженьи спой — тогда вернись,
Убей убийцу, убей скорей — тогда вернись,
Мы будем вечно жить с тобой,
душа моя!

Их было трое

Их было трое удалцов, —
один другому рад, —
Азербайджанец, и казах,
и русский — старший брат,
Чистосердечные друзья
навек, а не на час:
Один другого поддержал,
один другого спас.
Двойные звёзды в небе есть...
Не так ли и сердца
Порой сливаются в одно —
боец поймёт бойца.
Лишь первый мужества пушок
пробился над губой,
И каждый первую любовь
едва успел познать.
Едва о милой кончит речь, —
твердит о ней опять.

Вдыхая, шутит Турсунбай —
лукавые глаза:

— Моя подруга — роза роз,
алмаз и бирюза!

И, сколько в сутках есть минут, —
о, братья, столько раз

Меня красавица зовёт,
грустя за часом час!

Умалишённый соловей, взъерошенный птенец,
Так не спешит,

царицу роз увидеть, наконец,

Как я к любимой полечу,
лишь кончится война.

И слаще мёда будет жизнь
и радостней вина.

Я знаю,

чтобы этот день

пришёл скорей, скорей, —

Скорей уничтожай врагов,
Германию разбей!..

Друзья! Закончится война —
поедем в Казахстан,

К моим любимым, дорогим,
возлюбленным местам.

Такую свадьбу закачу,
что рассказать нельзя,

Пять суток будем пить и есть,
плясать и петь, друзья!

Старик-акын возьмёт дөмбру, —
и песня потечёт.

Должны вы, слушая игру,
мне оказать почёт.

Я расскажу, каким я был,
когда мальчишкой рос,

А вы — про мой батырский пыл
среди военных гроз!

Чтобы красавице моей
я стал ещё милей, —

Как отличался я в боях,
 рассказывайте ей, —
Так молвил юноша-казах
 И загляделся вдаль,
Он отразил в своих глазах
 всё, что на свете жаль...
Большую степь, и горный луг,
 и белый снег высот
В глазах у друга видел друг, —
 боец бойца поймёт.
Владимир — русский человек —
 негромко произнёс:
— Без солнца, брат, моя весна,
 цветы побил мороз...
Далёко милая моя...
 Она осталась там,
Где рыщут бешеные псы
 по нашим городам.
В одно я верю глубоко:
 где б ни была она, —
Верна возлюбленная мне
 и Родине верна! —
Сжал руку друга своего,
 волнением объят,
Чингиз, кавказец молодой,
 азербайджанский брат:
— Клянусь, недаром
 прожил я такой короткий век,
А кудри чёрные мои
 уже осыпал снег, —
Я вижу будущие дни,
 весёлых внуков сад, —
Как будто мне не двадцать лет,
 а целых шестьдесят.
Я вижу солнце сквозь туман,
 сквозь дым и пыль войны,
И не страшит меня война —
 в ней нет моей вины.

О други! Милости прошу
в родимый край ко мне.
В шатре мы посидим, в горах,
в кавказской стороне.
Моя жена, и милый сын,
и персиковый сад
Моих гостей, моих друзей
почётом окружают!
Закатим по-кавказски пир...
О край родной, Кавказ!..
Я вижу, как возьмёт ашуг
азербайджанский саз,
Как будут девушки плясать
старинный кайтаги,
Чтоб, не выплёскивая чаш,
выплясывать круги.
И даже камни будут петь,
седые камни скал,
Чтоб каждый камешек в горах
певучим сазом стал!.. —
Их было трое удалцов...
А чистые сердца
Порой сливаются в одно...
Боец поймёт бойца.
Но прекратился разговор,
тревога... снова бой...
Им надо плыть, и плыть и плыть
сквозь ливень огневой,
Плыть надо по морю войны
и разгребать валы, —
На тревне огненной волны,
среди раскалённой мглы...
И встали три богатыря,
и каждый позабыл,
Что только миг тому назад
почти ребёнком был!
Их пулемёт заговорил, —
и немцев череда,

Хватая воздух, пустоту,
валилась — кто куда,
И пулемёт твердил своё,
разбойников уча:
Поднявший на святыню меч
погибнет от меча...
Их было трое удалцов...
Забыть их не могу.
Враг их учуял, обстрелял.
Проклятие врагу!
Навеки проклят подлый зверь,
немецкий рыжий волк!
Смолк пулемёт троих друзей, —
трёхструнный саз умолк...
Погибли с яростью в груди,
с презрением в глазах
Владимир — русский человек
и Турсунбай — казах...
Взять не решаясь высоту,
враг откатился вниз.
Но, насмерть раненный,
упал
среди друзей Чингиз.
Когда дружинница-сестра
приблизилась к нему, —
Вослед бегущему врагу
Чингиз глядел во тьму...
— Оставь, не тронь меня, дитя, —
дружиннице сказал. —
Когда к бойцу подходит смерть,
он ей глядит в глаза.
Нет, мне помочь уже нельзя,
не встану никогда,
Хочу как воин смерть принять,
без страха и стыда.
Быть похороненным хочу
как воин — на войне.
Моей подруге напиши
всю правду обо мне.

Пусть у дороги, глядя вдаль,
меня домой не ждёт;
Надежду робкую храня,
свет до утра не жжёт!..
Жене — подруге молодой —
я сына завещал, —
Пусть бережёт весенний цвет,
пока он слаб и мал:
Моё дитя — моя весна,
моё дитя — я сам, —
Не надо, чтобы он внимал
стенаньям и слезам!
И мать научится любить
святое слово «мечь»,
И сын мой с детства затвердит,
что в мире слава есть.
Едва он силу наберёт,
оперится едва,
Пусть привезёт его сюда
моя жена... вдова.
Покажет:
— Здесь погиб отец,
он верный был игит! —
И пусть не плачет мальчуган,
а, по-мужски, молчит.
Пусть гордым воином растёт
единокровный мой,
И, если надо, жизнь отдаст,
как я, за край родной, —
И, если б жизнью сто имел, —
все б отдал до одной!..
Всё, что хотел, сказал Чингиз;
померкли звёзды глаз —
Лишь дальнозоркий взор души
сумел обнять Кавказ...
Встать захотел Чингиз-игит
и стоя смерть принять!
Но в землю кровь его ушла,
и он упал опять...

И с места сдвинулась гора,
 качаясь, поплыла
Та высота,
 что отстоять
 сумели три орла,
Орудий ли могучий гром
 её подсек и снёс,
Иль взрывами фугасных бомб
 расшатан был утёс —
Кто может знать?
 Но было так...
 И грохот боя смолк.
Объятый ужасом,
 бежал
 немецкий горный полк.
Здесь трое братьев молодых
 спят вместе под горой,
На камнях кто-то начертал
 без имени:
 «Герой».
Здесь восходили три звезды, —
 кровь под землёй горит!
Здесь целый мир надежд сиял —
 и рухнул, и зарыл!
Здесь было трое удалцов,
 их память дорога,
Их век был короток...
 Вперёд! В атаку на врага!

К ё р - О г л у

Склонясь к разметающейся гриве коня,
Летел по горам великан Кёр-Оглу.
В нём кровь бушевала, как волны Куры, —
Гнал свору незваных гостей Кёр-Оглу!

За городом — город, за балкой — село, —
Темнело и вновь становилось светло,

От скачки давно развалилось седло...
Над безднами перелетал Кёр-Оглу!

Прошёл Кёр-Оглу, как самум, над врагом.
Дохнул — и растаяли скалы кругом...
Мир вспомнить не мог о сраженьи таком —
Врагов обращает в ничто Кёр-Оглу!

И падали молнии конских подков,
А грива, как туча, душила врагов...
Холодную воду родных родников
У девушек пил из горстей Кёр-Оглу...

Певец Сулейман вам клянётся опять:
За родину душу не жалко отдать!
Несётся на запад советская рать,
На запад, на запад летит Кёр-Оглу!

Р о д и н е

О родина! дала ты силу мне,
Пути как солнцем озарила мне.
И я могу идти своей дорогой,
Слагать дастан о том, что мило мне.
Курлычут журавли в закатном небе,
Чтоб радостно на сердце было мне...
Благодарю тебя, моя отчизна, —
Ты вдохновенье подарила мне!

Ж и в ё т

Друзья, моя душа без сна живёт.
Заботой о цветах она живёт.
Как горный ключ, никем не замутнённый,
Друзьям открытая до дна, — живёт.
Врагу её не осквернить вовеки!
Любовь, что мне навек дана, живёт.

Но не одной любви открыто сердце —
В нём честь, и доблесть, и весна живёт.
В минуту скорби — я Москву увижу,
Что, мудростью озарена, живёт.
Нетрудно в битве умереть, но каждый,
В ком правда родины сильна, — живёт.
И веет стяг — и песня Сулеймана
Под знаменем твоим, страна, живёт.

Самая любимая

Спросит, как прежде, у солнца певец-соловей:
— Где зеленее лужайка весною, скажи?

Спросит красавица, в зеркало глядя с утра:
— Кто красотою сравнится со мною, скажи?

Я на прелестниц лукавых давно не гляжу —
Как мне пленяться пустой красотою, скажи?

Родина, разве не стала ты всем для меня —
Солнцем, звездою и ясной луною, скажи?

Кто же на свете сравнится, — твердит Сулейман, —
С нежно любимой моею страной, скажи?

Не умрёт

Расцветает душа моя в ясные вешние дни, —
Пурпур розы моей не угаснет в осенней тени.

И летит мой скакун, словно смерч в боевом огне, —
Кёр-Оглу пролетел на таком же горячем коне.

Жизнь одна у меня и любовь у меня одна, —
Я тобою живу и тобою дышу, страна.

На свободной земле мой свободный живёт народ,
Пышный сад моей родины буйной листвою цветёт.

Двадцать лет он цветёт,—двадцать лет уже счастлив я.
Не увянет листва, не заглохнет и песнь моя.

Грудью я защищу мою землю от вражьих орд,
И за это я буду прославлен и славою горд.

Тот, кто душу отдаст за отчизну свою и народ,—
И в сказаньях потомков и в памяти их не умрёт.

Песня о победе

Со штыками страшной остроты,
С пулями, поющими в полёте,
С танками, берущими хребты,
С бомбами на грозном самолёте
Не устанет песня воевать,
Бить врага, колоть, взрывать и рушить...
Про войну не бойся слушать, мать:
Будешь песню о победе слушать!
Если ж весть о гибели моей
До тебя, родная, донесётся,—
Поддаваться горю ты не смей,
Пусть в тебе моя душа проснётся!
Принимай от родины почёт,—
Мужество, завещанное мною,—
И оно по жилам потечёт,
Как река Аракс течёт весною...
Мать моя, мать гордости моей,
Никогда не верь словам трусливым,—
Жалости не зная, их убей,
Чтобы мог я быть в бою счастливым.
Ты гляди, родимая моя,
Под окном проходят утром рано
Родины бессмертной сыновья—
Красные бойцы Азербайджана.

Кавказская зима

Есть у весны седой, суровый брат...
О друг зима!.. Снега твои молчат,
Чтоб наши реки прыгали и пели.
Как мог бы сад зазеленеть в апреле,
Когда б не ты? Обязан не тебе ли,
Цветущий куст? Кто дал весне наряд,
Кто жизнь берёт в её прозрачном теле?
Сам не дышал, её дыханью рад?
Замкнувшийся в терпении своём,
Привык себе отказывать во всём
Суровый воспитатель юной славы,
Брат, опекун, хранитель седоглавый.
О друг зима!.. Мы всё перенесём.
Жил Низами — светило из светил,
Волшебник Пушкин землю посетил, —
С тобой, зима, они дружили оба.
Твоя природа — твёрдость, а не злоба,
О, брат весны, хранитель добрых сил!
Ты на врагов идёшь с народом вместе,
Сжимаешь их в кольце морозной мести, —
Им рты сковала льдистая кора!
Мечом мороза ты играешь, друг,
Ты Кёр-Оглу напоминаешь, друг,
Холодным гневом, яростным порывом!
Но перед нашим войском справедливым
Оружие ты опускаешь, друг!
Суровый, правый наш аскер идёт,
И ты, как время, движешься вперёд,
Как летописец, следуешь за нами.
Кровавыми победы письменами
Исчерчен снег и пламенеет лёд!
О друг зима! Уже приходит срок
Весенним дням. Уже вдали дорог
Яснеет даль. И, провожая друга,
На север я пойду с Кавказа, с юга...
Уже на юге дан врагам урок.

Кавказская зима! Мороз высот!
Ты — белый сокол, что зарю несёт,
Ты — Низами и Пушкина погода.
Тебе подобен гордый дух народа:
Для новой жизни он весну спасёт!

Возвращение

Стремена стальные спали с ног, звеня,
Молодой наездник соскочил с коня.
У дверей знакомых прозвучал звонок.
Распахнулись двери...

— Матушка!

— Сынок!..

Что это? Ты ранен? Мальчик мой родной!
Но теперь ты дома, ты теперь со мной...
Что за шрам багровый у тебя на лбу?
Сердце мое, сердце! Чуяло судьбу...

— Что тебе ответить? Ран — не утаить.
Матушка, ты плачешь? Но о чем грустить?
Я здоров и крепок. Полно, не тужи...

— Расскажи мне, милый, всё мне расскажи.
Я во сне ночами видела тебя,
Выплакала очи, о тебе скорбя.

Кровью моё сердце до краев полно.

Матерям страданье, видно, суждено.

Осуши, родимый, слёз моих ручей,

Ясная зеница, свет моих очей!

Я тебя, сынок, руками обовью,

На себя приму святую боль твою.

Отошла от сердца горькая печаль,

Словно ветер тучи угоняет вдаль.

Подойди, послушай — сердце как стучит.

То не кровь струится — песня в нём звучит.

То не боль таится, то поёт любовь,

Первенец желанный, плоть моя и кровь!

Подойди, орлёнок, подойди, герой,

И сыновье сердце матери открой.

— Что тебе поведать, матушка моя?
Я живу открыто, мыслей не тая.
Я тебя, родную, защищал в бою,
Грудью прикрывая родину свою.
Душу за отчизну я готов отдать.
Нет имён священной: родина и мать!
Я поклялся в битве именем твоим:
Кровный враг отчизны не уйдёт живым.
Пусть в глазах моих навек померкнет свет,
Если я нарушу клятвенный обет!
— Наклонись ко мне, высокий мой платан!
Я руками крепко обвою твой стан.
Я, как самое святое на земле,
Поцелую рану на твоём челе.

Почтальон

Четыре месяца мать весточки ждала,
Вдоль светлой улицы так вглядывалась жадно,
Что меркло зрение... Ведь старость беспощадна,
И доля матери солдатской тяжела...
Случалось, кто-нибудь вдруг приезжал оттуда —
Из пекла адского... Эх, горечь простоты!
От незнакомого мать требовала чуда:
С моим единственным не встретился ли ты?
Порой туманился от размышлений разум:
«...А что, взаправду ль был у меня сынок,
Иль то казалось мне и разлетелось разом,
Как сновидение?...» — Старухе невдомёк.
Порой — не надолго — придёт надежда в гости,
Летит, незримая, старуху приласкать:
Он жив, он невредим, спасён от вражьей злости,
Придёт, приветливый, — он не обидит мать!
И вновь молчанье тоску в груди будило...
И, забыв хозяйские дела,
Шепча невнятное, мать по двору бродила...
Четыре месяца она письма ждала!

Все любят нашего знакомого почтальона:
Характер ласковый и лёгкая рука.
Все в доме ждут его тревожно, умиленно
И ловят звук его шагов издалека.
Он — вроде лекаря... Лекарства от печалей
Он в сумке кожаной разносит по дворам.
Клянусь! Хотел бы я, чтоб так меня встречали
Все наши девушки, подростки, детвора!..
И мать — ту самую, что так теперь томилась, —
Он прежде радовал,
но больше нет вестей, —

Постигла бедную самой судьбы немилость...
Добрый смущается:

чем он поможет ей?

А скорбь уже дошла, как видно, до предела,
Не стало больше сил бесплодно ожидать, —
Так в доме горестно,
так в сердце накалило,

Что к радостям чужим приревновала мать.
Тому, чья доброта была другим отрадна,
Мать злобно бросила, невзвидев света дня:
— Вон со двора уйди!

Не приходи обратно,

Покамест не найдёшь письма и для меня! —
Вздыхнул старик, ушел...

Всё думал по дороге

О том, что тридцать лет работал, и о том,
Что к сердцу принимал чужих людей тревоги,
Что радость приносил в знакомый этот дом...
И так томительно, так больно сердце сжалось!..
Хороший он старик, учиться б у него:
Не к самому себе его пронзила жалость,
А к старой женщине:

ей, бедной, каково?..

Широк, просторен мир, в нём есть, чему дивиться,
Но если на земле пропал сыновий след, —
Тогда для матери мир тесен, как темница,

Он ей не нужен, мир, когда в нём сына нет!..
Ей сколько раз глаза слезами застилало,
Когда ответишь ей, что в сумке ничего
Нет нынче для неё,

хоть писем там немало

С похожим адресом...

Ей, бедной, каково?

Бывало, выбежит, — мне, как родному, рада, —
Ликуя: «Есть письмо? Давай скорей, скорей!..» —
Так думал почтальон. Прошла его досада,
И жалость торкая пришла на смену ей...

* * *

Вновь потянулись дни. Не видно почтальона, —
С того худого дня исчез он, как на грех...
Все ждали старика, тревожно, удивлённо,
А безутешная старуха пуше всех —
Совсем отчаялась: «Теперь конец надежде...
Он многих радовал... И мне в моей беде
Хоть капля светлая перепадала прежде
От общей радости!.. Что ж нет его нигде?»
У наших радостей, видать, был общий корень,
А я, злосчастная, накликала беду!..
Так старый почтальон стал новым, свежим горем
Для бедной женщины... Бормочет, как в бреду:
«Сам, верно, ждёт письма от собственного сына...
А может, заболел? Зброшен, одинок?
Узнать бы, где живёт? В болезни ли причина?
Я похозяйничать пришла бы на денёк...
Ох, только бы найти! И без письма привечу!
Он воздух приносил из тех далёких мест,
Где мой сынок сейчас, и радостную встречу
Всегда предсказывал — победу и приезд!
Пусть без письма придёт... Ох, как я виновата!
Коль не увидимся — не жить на свете мне!»

И так печальми старуха-мать богата,
А тут прибавилось печальных дум вдвойне.

Однажды старые двустворчатые двери,
Ведущие во двор, открылись

как-то вдруг!..

Ждать было некого. Жильцов, по крайней мере,
Заставил выбежать тот неурочный стук.

Кто? Почтальон вошёл —

забытый вестник счастья!

Но старый, сквозь толпу вперив куда-то взор,
Плыл так торжественно, что был похож отчасти
На птицу кречета — любимца наших гор!

Волнение, шум, галдёж... «Кому письмо? Не мне ли,
Голубчик, покажи, отдай!»

Но в этот раз

Он весть желанную принёс на самом деле
Той старой женщине, кем полон мой рассказ!

«Ты прогнала меня, — теперь исправим дело:

Твоё желание исполнено, баджи!»¹

Твой сын любимый жив. Всё так, как ты хотела:

На, принимай письмо и больше не тужи!»

Ответ старика

В военкомате у стола я встретил старика,

На крепком посохе его покоилась рука.

«Я в Красной Армии хочу служить!» — промолвил он.

«Ты стар», — ответил я ему.

Ответом огорчён,

Он рассказал мне жизнь свою, усевшись близ меня.

Слова из уст его лились, исполнены огня.

«Не называй меня, сынок, бессильным стариком,

Я вижу, ты со мной совсем, приятель, незнаком.

В моей душе живёт любовь к стране моих отцов!

Мой долг святой — быть на войне, меж сталинских бойцов!

Я в мир пришёл сто лет назад, но всё ж хожу легко.

¹ Баджи — сестра (азербайдж.).

Достойной матери меня вспоило молоко.
Как прожил я свой долгий век в горах родной земли,
Тебе, пожалуй, рассказать могли бы журавли.
Да! Это тело за сто лет успело загореть.
Покрыто множеством морщин, лицо моё — как медь!
Не одного,

не двух врагов свалил на землю я,
И не однажды штык в бою встречала грудь моя.
Всё ж на лопатках мне ещё не довелось лежать!
Скажи:

что значит сотня лет,
коль сердцу двадцать пять?
Пускай, расхваставшись, не бьёт себя наш недруг в грудь:
Одной рукой я сто врагов могу с пути смахнуть!
Мой голос стены вражьих гнёзд обрушит, словно гром,
От страха Гитлер задрожит при имени моём!
Подобно молнии клинком, под бурею свинца,
фашистов буду я косить,
как ниву серп жнеца!
Я не склоню перед врагом свободной головы:
С ним бьются правнуки мои,
как молодые львы!

Однажды враг уж приводил в наш край свои войска,
Их чёрной кровью смыл тогда я ржавчину с клинка.
И лишь когда от вражьих орд очистился Кавказ,
Повесив шашку на ковёр,
я взял певучий саз.
А кто былые дни забыл,
ищи в траве
лесной:

Ещё патроны там лежат, расстрелянные мной.
Я старый горец.

Я простой охотник и пастух,
Но те сто лет, что я прожил, мой не сломили дух.
За синеву родимых гор я всё отдать готов.
На песни вдохновлялся я дыханьем их цветов.
Средь этих гор,
средь этих скал

прошли года мои.
В жару меня поили их студёные ручьи.
Бывало, осенью сырой
и лютою зимой
Стучал в их каменную грудь пастуший посох мой.
Азербайджан! Твоя краса близка мне с давних пор.
Свой луч, как руку, подаёт мне солнце наших гор.
Ни разу вражеский порог я не переступал:
Укрытый небом,
на скале, как на подушке, спал!
Ущелья эти навсегда запомнили меня,
Они вскормили моего крылатого коня.
Сто долгих лет любовью к ним моя душа живёт,
Их напоила кровь моя,
их оросил мой пот!

Оставил крепость Кёр-Оглу народ в наследство мне.
Как неусыпный страж стою я на её стене.
Я словно из железа весь:
уже не первый год
Ни штык не трогает меня,
ни пуля не берёт!
В бою не склонится моя седая голова.
Вздохну я —
на полях врага увянет вся трава.
Светлы источники в горах, где я всю жизнь прожил,
Их воду чистую не раз я пригоршнями пил.
Я эту воду замутить не дам руке врага,
Я не позволю, чтоб прошла фашистская нога
По нашим нивам золотым, где я колосья жал...
Нет!
Каждый колос вражью грудь проколет, как кинжал!
Я сердце храброе готов за Сталина отдать.
Ещё я жив,
ещё силен,
и мне отчизна — мать!
Душа бесстрашная моя похожа на скалу.
Пускай я стар, —
мне по плечу доспехи Кёр-Оглу!

Не обижай меня, сынок, считая стариком:
Я вижу, ты со мной совсем, приятель, незнаком!
В душе моей живёт любовь к стране моих отцов.
Мой долг святой—быть на войне, меж сталинских бойцов!»

Лети, мое сердце

Быстрым голубем, сердце моё, лети
С нежной вестью сквозь дым, огневую даль.
За горами милую посети
И вырви из сердца её печаль.
В яром пламени страшных военных гроз
Я покой возлюбленной берегу,
Чтобы сын наш юный, как тополь, рос,
Я пощады в сраженьях не дам врагу.
Пусть погибель ему принесёт война,
Смерть врага — отрада моим глазам.
А душа любимой тоской больна,
Для любимой слава моя — бальзам.
Долетит эта слава за горы к ней —
Я в боях кровавых её добыл.
Мой удар по недругам всё грозней,
За спиною трепет растущих крыл.
Пусть моя боевая шинель черна,
Но под нею я и в мороз не дрог.
А любовь к отчизне в душе сильна,
И в любви победы моей залог.
От неволи спасаю родной народ,
Снова жизнь пробуждается в городах.
И от счастья сердце в груди растёт,
Запевают весной соловьи в садах...
Быстрым голубем, сердце моё, лети
С нежной вестью сквозь дым, огневую даль,
За горами милую посети
И вырви из сердца её печаль.

Пусть не плачет

Страна моя, я без тебя одинок,
Я вяну вдали, как без солнца цветок.
Скажите любимой: остаться не мог,
Когда не вернусь я под кров, пусть не плачет!

Я верный защитник твой, Азербайджан.
Пусть дым застилает поля, как туман,
Пусть кровь моя хлынет потоком из ран,
Скажите — погибнуть готов, пусть не плачет!

Пускай не скрывает под трауром кос,
Пускай не горюет с рассвета до звёзд,
На камень холодный не льёт горьких слёз,
Когда не откликнусь на зов, пусть не плачет!

Храню больше жизни винтовку мою,
Я метко стреляю, без промаха бью,
Когда ж меня ранят в суровом бою,
Героем вернусь я под кров, пусть не плачет!

Вспомнилось мне

Вижу запись свою на старых листах, —
И на сердце всё то же, то же, — в мечтах:
О тебе, Карабах мой, о юных днях,
Все о той, об одной — припомнилось мне.

Рука об руку всюду были мы с ней,
И манила она сокровищ сильней.
Что годы и месяцы, множество дней
Всё бродил как больной, — припомнилось мне.

О краса Карабаха! О роза моя!
Улыбалась она, любовь затая.
Как слова о любви обдумывал я
Той далёкой весной, — припомнилось мне.

И в кочевья она уходила потом...
И я ранней весной покинул свой дом.
Как искал я, как думал только о том,
Чтобы быть ей со мной, — припомнилось мне.

Скрылась птицей она с любви берегов,
Но её без конца я звать был готов.
Как из милой пригоршни воду ручьёв
Пил я некогда в зной, — припомнилось мне.

Розой уст утоляться вдоволь не мог.
О садов вождельня нежный цветок,
Как не смел я ступить на милый порог,
Всё бродя стороной, — припомнилось мне.

Т е б е

Встречу твой мимолётный взгляд и рванусь истемнѣ к тебе.
Эта верность не ждѣт награды, — я, как жизни, верна тебе.

Это сердце — оно твое, не изменит, пока живу,
А душа — позови её, и ответит она тебе.

Повторять будет весь народ золотые твои слова,
Громко имя твоё живѣт, крепко верит страна тебе.

О возлюбленный! Вижу я — не погибнешь ты, не умрёшь, —
Это чувствует кровь моя, что, как воздух, нужна тебе.

Сулейман, твой удел высок, в смертный бой, не страшась, иди,
Но оставь мне сердце в залог, я ведь вся отдана тебе.

Ж д у

Гляжу на дорогу в тоске и тебя, дорогого, жду.
С тюльпаном и розой в руке я весну мою снова жду.
Пусть наполнится чаша вновь в неразрывном кругу друзей.
Знаю крепкую нашу любовь и счастья большого жду.

Не устану взывать, любя, каждый миг я стремлюсь к тебе,
Как ясного солнца, тебя, как заветного слова, жду.
Будешь ты о стране своей и утром и вечером петь,
Тебя, Сулейман-соловей, тебя, молодого, жду.

Я видел

Наконец вернулся к той, что столько дней не видел я.
Ненаглядная со мной, печали в ней не видел я.

Как душа в душе живёт! Как сердцу в сердце хорошо!
Что для милой долгий год! Её верней не видел я.

Я страну прошёл насквозь и видел множество бойцов,
Ни уныния, ни слёз в глазах людей не видел я.

Сердце морем стало: в нём от ярости сильнееет кровь.
Силы в нас растут огнём, — тех сил грозней не видел я.

Ты всего себя отдашь правдивой песне, Сулейман.
Мира, сладостней, чем наш, светлей, родней, не видел я.

Наши матери

Прекрасна и молода,
Любила мужа Лейла,
Всего лишь короткий год
С ним вместе она жила.
Война разлучила их,
Далеко на фронте друг.
В своем колхозе Лейла
Не отстаёт от подруг.
Работает день и ночь
И любит свой труд Лейла.
Повсюду шумит-звенит
Весенним дождём хвала.
На зависть солнцу глаза

Сияют, как звёздный свет,
Придёт домой ввечеру —
И устали словно нет.
Всю ночь она треплет шерсть,
Рубашки тёплые шьёт
И, люльку качнув ногой,
Тихонько песню поёт.

«Мой ранний, мой вешний цвет,
Утеха печальных дней,
Судьбою ты послан мне,
Улыбка души моей.
Растёшь ты, моё дитя,
Растёшь ты день ото дня,
День минет: гляжу — подрост
На зёрнышко ячменя.
Спи, светик мой, баю-бай,
Отцом твоим горд народ, —
Сражается смело он
И метко фашистов бьёт.
Он вырос в родных горах,
Студёной водой вспоён,
За Сталиным он пошёл
И Сталиным поднят он.
На фронте родимый наш,
Спи, маленький, баю-бай,
Сражается он за нас,
За светлый любимый край.
Он просит меня прислать
Портрет своего сынка.
Порадуем мы его
Улыбкой издадека.
А ну, засыпай скорей,
Я шить до зари должна,
Суровые дни пришли,
Объята огнём страна.
Идёт на врагов зима,
Помогут нам холода.
Пусть пасмурны небеса, —

Мороз для врага — беда.
Пройдёт по родной земле
Жестокий, лютый буран, —
Пусть мёрзнут наши враги,
В колючий валясь бурьян.
Пусть чёрное вороньё
На мёрзлых трупах сидит,
А наших родных бойцов
Пусть эта шерсть защитит.
Для русских братьев отца
Я стану шить до утра,
Хочу им свой дар послать,
Так спи же, давно пора!

Качается колыбель,
Все окна давно темны.
Не спит лишь одна Лейла
И тихо поёт «магны»¹.
И входит в двери заря,
Бессонная ночь прошла.
Сегодня погожий день,
И в поле спешит Лейла.
Вам, женщинам-матерям,
Вам, труженицам войны, —
Любовь, почёт и хвала
Великой родной страны.

Поэт

Ты — птенец желторотый. Тебе Сулейман
Говорит: «замолчи!» Ты смеёшься в ответ...
Если родина стонет от ран — ранен я.
Слёз народных таит океаны поэт!

Будь усладой отчизны моей, песнь моя.
Будь отрадой в годину скорбей, песнь моя.

¹ Магны — одна из форм народной песни (четверостишия).

Словно пулею недруга бей, песнь моя,
Будет петь, чтоб погибли тираны, поэт!

Ивы гнут свои ветви сильней предо мной.
И джигиты стремятся смелей в бой за мной.
Ты, невежда, кичиться не смей предо мной.
Скорбных слез разгоняет туманы поэт.

Лицемерия сладкий елей — не по мне.
Мир без солнечных светлых лучей — не по мне.
Море слёз без улыбки очей — не по мне.
Всюду входишь ты гостем желанным, поэт.

Повелю — канет в бездну ночей звёздный луч.
Повелю — озарит сумрак дней звёздный луч.
Заблестит в мириадах огней звёздный луч.
Видел солнце и звёздные страны поэт!

Горы скрыты завесой теней, о друзья!
Это траур седых матерей, о друзья!
Мои слёзы потоков быстрее, о друзья!
Верен дружбе святой без обмана поэт!

Разве сердце, что чаши полней, я продам?
Разве сердце, чтоб жить веселей, я продам?
Иль желанье, что боли сильней, я продам?
За отчизну умрёт в поле бранном поэт!

Настанет день

Настанет день, и отшумит война,
Сквозь тучи вновь мелькнёт голубизна.
Мы отомстим врагу за боль и кровь,
Священный край вздохнёт свободно вновь.
Из сердца вынем жало дней былых.
Никто не тронет больше наших нив,
Жизнь забурлит быстрее горных рек,
И снова будет счастлив человек.

И юноша с невестой выйдет в сад,
В надзвёздный мир их думы полетят.
И нежно мать прижмёт к груди своей
Фронтоника, вернувшегося к ней,
И, жадно слушая его рассказ,
Уронит жемчуг радости из глаз.
Настанет день, и девушки страны,
Подружки наши, юны и стройны,
Красавицы, с охапками цветов
Придут встречать родных своих бойцов.
Смеясь, они пройдут по склонам гор,
Навстречу милым устремляя взор.
Настанет день, в Баку вернёмся мы.
Цветов нарвём — не донести кошмы!
К жене вернётся с орденом герой.
Без вести канувший придёт домой.
Настанет день, и времени бальзам
Залечит раны... Минет срок слезам.
Польётся вновь из окон яркий свет,
О розах снова станет петь поэт.
Увидим мы родных мангалов дым,
Корзины с виноградом золотым,
Газельи очи, тюлевый убор;
Красавица потупит влажный взор
И чай с лимоном принесёт густой.
А мать, в рубаше с золотой каймой,
Невесте улыбнётся вдруг тайком,
Хозяюшкой гордясь перед сынком.
С невесткой домовитая свекровь
Готовить станет яства вновь и вновь.
Чего тут только лакомого нет?
Сыр, и вино, и розовый шербет.
Рассказам о боях придёт черёд.
Настанет этот день, друзья, придёт!
Настанет день, и воин Сулейман
Увидит, что рассеялся туман,
Вернётся из землянок и траншей,
Зарежет он барана для друзей,
И будет в Апшероне пышный пир.

Там, где в саду тенист густой инжир.
На плоском блюде мать подаст кутаб¹,
Всё, как привычный повелел устав.
И братья вместе, как в былые дни,
Душистый, сочный станут есть шани².
Пойдут воспоминанья о боях,
О памятных исхоженных краях.
И сядет рядом смуглая Саят.
И розой заблагоухает сад.
Народ твой будет счастлив, Сулейман,
И солнце озарит Азербайджан.
А старую потёртую шинель,
Знававшую и пули, и шрапнель,
В музей отдаст вернувшийся солдат,
Как память величавых, славных дат.
Ты, Сулейман, поэт. Острей меча
Твои слова, коль песня горяча.
Пусть снег седин на голову падёт, —
Ты знаешь, этот мирный день придёт.
Настанет день — день встреч, а не разлук,
Его приблизит дело наших рук.
Настанет день, печаль уйдёт навек,
И снова будет счастлив человек.

Из поэмы «Илдырым»³

Ночь

В окопе смолк разговор, кто закурил, кто уснул.
Донёсся издалека тяжёлых орудий гул.
Ракета в небе порой описывала дугу,
И становилось светло в долине и на лугу.
На небесах залегли морщины сумрачных туч.
И, точно, близко зима, морозный воздух колюч.

¹ Кутаб — кушанье.

² Шани — сорт винограда.

³ Илдырым — прозвище. Дословно — молния.

В ущельи Терек бурлит, дымится кровью волна,
Здесь немцы встретили смерть, вода от крови красна.
Когда ракета сверкнёт, на ивы мельком взгляни,
Не в Тереке ли седом купают ветви они?
Глухие тропы молчат, но каждый кустик на них
Напоминает бойцам о подвигах боевых.
А за долами блестит Кавказских гор седина,
Под снегом грезятся им далёкие времена.
Лежат в окопе бойцы, руками гладят траву,
И смотрят на облака, плывущие в синеву.
Порой беседу ведут о матери, о жене.
Кто папиросу свернул и тянет дым в тишине,
А кто тайком начертил любимой имя штыком,
Запел он: «В косах твоих хочу я быть гребешком!»
О мужестве и борьбе задумался Илдырым,
Но грохот землю потряс, нависло небо над ним.
И бомбы сыпались вниз и разрывались вдали,
Дождём горящим лились, взрывали лоно земли.
Весь город вдруг запылал, и вспыхнул жаркий костёр,
И сизый дым от земли до неба руку простёр
Смешался с тучами дым и омрачил синеву,
И осыпалась зола на цветники и траву.
Бушует пламя, гудит на улицах, площадях,
И дети гибнут в огне, огонь гуляет в садах.
Здесь выброшен из гнезда обугленный соловей.
Там пепел розы взвился, там дым идёт от ветвей.
И поднялись в небеса с курлыканьем журавли.
Летели долго они, пока не скрылись вдали.
Увидел всё Илдырым и всё запомнил боец.
От гнева стал сам не свой и так сказал, наконец:
«Пускай людская беда бездонна, как океан,
Достигнем берега мы, растает чёрный туман.
Лицом к лицу становись с костлявой смертью, мой брат,
Закон войны говорит, что храбрые победят.
Пока стоишь на земле, пока винтовка в руках,
Не знай пощады к врагу, топчи проклятого в прах!
Закон священный войны навек запомни, боец,
Когда погибнешь в бою, то славным будет конец!
Войдешь в историю ты страницей золотой,

Сравнишься с месяцем ты величиём и красотой.
И будет имя твое дыханием цветников,
И не забудет тебя народ вовеки веков.

О ж и д а н и е

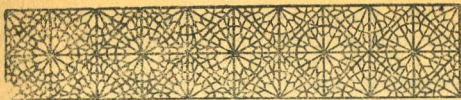
Рассыпала серебро луна по мутным волнам,
И выпал снег на горах, от блеска больно глазам.
Повеял ветер, и лес откликнулся за горой.
В сраженьях каждый боец прославился как герой.
Купалась в тучах луна, сушила кудри свои,
Ей дела нет до того, что где-то близко бои.
Светились звезды в ночи, как гвозди в небе седом,
Как искры тлели они, забытые белым днём.
Настала вдруг тишина, и шорох листьев замолк.
Скovalo горе сердца, замкнуло их на замок.
Боец-ашуг вдруг запел, и вторил струнами саз:
«Не дам любимой врагу, не погашу её глаз!»
И легкий ветер подул, зашелестела трава,
Раскрылись снова сердца, была надежда жива.
И вспоминали бойцы о подвигах боевых,
О схватках с хищным врагом, о поединках лихих.
И письма близких они читали жадно в тиши,
И каждый счастлив письму, оно бальзам для души.
Одно письмо, между тем, забыто, не прочтено:
«Прочти меня, Илдырым», — казалось, молит оно.
Но где же сам Илдырым? Товарищи ждут с тоской,
Быть может, ранен, убит? Они теряют покой.
Один сказал: «Отомщу!» Винтовку сжала рука.
Другой оружие схватил, — на фронте дружба крепка.
И вдруг послышался взрыв на вражеской стороне,
Бойцы на землю легли и видят — небо в огне.
И завязалась стрельба, фашисты снова палят,
И бомбы сыплются вниз, и затрещал автомат.

Возвращение

По горному склону ползут четыре тени вдали.
Тени наверх поднялись, к нашим постам подошли.
Того, кто шёл впереди, всех раньше узнали друзья,
Такая радость была, что и рассказать нельзя!
Кричат: «Привет, Илдырым! Мы верили, ты придёшь».
Вопросы к нему летят, звенят, как весенний дождь.
Рассказывал Илдырым своим боевым друзьям,
О том, что, читатель мой, конечно, ты знаешь сам!
Вот подошёл командир... И тесный раздался круг...
«Ну, как дела, Илдырым? Докладывай-ка, мой друг!
Кто бой за Терекон вёл на той стороне, в горах?» —
«То мы сражались с врагом, и был опрокинут враг!
Был взорван мост — и врага мы гнали прочь от реки,
И сорок немцев в бою легли от моей руки!
Был лозунг наш: «кровь за кровь», и там, где Терек течёт.
С фашистской нечистью мы свели беспощадный счёт!»
Сказал бойцу командир! «Ты был смельчаком в бою!
И храбростью заслужил теперь награду свою!
Письмо тебе! Получи! Я думаю — от жены...»
И счастьем очи бойца, как факелом зажжены!
«Что ж пишет свет моих глаз, подруга, любовь моя?»
Поёт в его сердце саз, и ждут, притихнув, друзья...
Конверт открыл Илдырым, к письму он жадно приник, —
Так путник рвётся вперёд, в песках распознав родник!
«Друзья! Прислала жена сегодня благую весть:
Отцом я стал! У меня сынок, дорогие, есть!»
Раздался приветствий гул, разнёсся он по горам,
Все руки жмут и кричат отцу и сыну «ура!»
«Но как же сына назвать? Подайте, друзья, совет!»
«Вэтэн!» — несётся в ответ. — Достойней имени нет!»
И это имя — Вэтэн — гремело над высью гор,
Зажгло оно все сердца, как солнце — морской простор!
В кругу друзей Илдырым. Спускалась тьма с высоты.
И взор бойца, как весна, повсюду сеял цветы.

Вэтэн — родина.

Он вновь письмо целовал, сжимал его вновь в руке,
Родного тельца тепло он чуял в каждой строке.
Взлетали птицей мечты о счастье и о любви,
И пели песни мечты — как среди роз соловьи!
...В землянке сном молодым на койке спал Илдырым,
Подруги образ живой, сияя, встал перед ним.
И мальчика своего, что он не видал ещё,
Во сне боец целовал, ласкал его горячо!
Когда же солнце взошло, вскочил боец Илдырым,
Письмо он взял и сказал: «Мой мальчик! Мы победим!»

Журавли

Молодою зарёй облака зажжены,
Треугольником плавно скользят журавли.
Вы свободными были на свет рождены,
Отчего же в сердцах ваших яд, журавли?

Вереницами плыть в вышине — хорошо,
Тосковать о любимой стране — хорошо,
Жизнь отдать за отчизну — вдвойне хорошо.
Без мечты тускло годы летят, журавли!

Как хрустальный ручей, светят ваши глаза,
Я ваш друг, мне свидетель — небес бирюза.
Крик ваш сердце терзает, как небо гроза,
Ваши песни, как раны, язвят, журавли!

Бейте громче крылами, трубите вдали,
Чтобы волю и счастье рабы обрели.
Не поблекнет вовек ваша слава в пыли.
Вы летите куда, наугад, журавли?

Я хочу, чтобы слёзы из глаз не лились,
Чтоб невзгоды от вас в стороне пронеслись,
Чтобы камень зацвёл и раскрылся, как лист,
Чтобы вас не обидел и взгляд, журавли.

Знаю, вы отдохнёте от горя и грёз,
И исчезнет печаль, как под солнцем мороз.
Тщетно хищник косматую лапу занёс, —
Я погибнуть за вас буду рад, журавли!

Скоро песни польются из розовых уст,
И повеет дыханием розовый куст,

Соловей сменит птицу печали, клянусь!
На развалинах вырастет сад, журавли!

Равнодушное время печали сотрёт,
Позабудет о горе счастливый народ,
Зааеют гвоздики над зеленью вод,
В небесах закурлыкают в лад журавли.

Если голод с нуждою нагрянут на вас,
Если сердце в разлуке застонет как саз,
Если слёзы безудержно хлынут из глаз,
Разделю с вами пищу, как брат, журавли!

Хлынет в сердце надежда, как бурный поток,
Сердце к солнцу потянется, словно цветок.
Материнскому горю исполнится срок.
То последние слёзы горят, журавли!

Тебриз. Октябрь, 1911

Тебриз

Не насытятся очи твоей красотой,
Мой Тебриз, мой Тебриз, золотой Тебриз!

Соловьиные песни звенят до зари,
Звёзды светятся в небе, как янтари,
Обними меня, дружбой своей подари, —
Кровный брат твой к отчему дому пришёл,
В добрый час к порогу седому пришёл.

С хлебом-солью навстречу ко мне идёшь,
С гроздьёю свежих цветов, собою пригож,
С чистым сердцем, чужда которому ложь,
Мой Тебриз, мой Тебриз, мой желанный Тебриз,
Не коснутся тебя туманы, Тебриз.

Соловей без цветов не поёт, молчит,
Сирота, без родных, слёзы льёт, грустит,

И без тела душа, как дымок, улетит.
Душу мне открой, говори, мой Тебриз.
Буду слушать тебя до зари, Тебриз.

Шелестят-звенят родники в тиши.
Приподнялись на цыпочки камыши.
Точно гурьи, розы твои хороши!
Я брожу, без ума влюбленный, Тебриз,
В цветники и горные склоны, Тебриз!

Серебрятся снега на вершинах гор,
Виноградник кудрявые лозы простёр,
Опьяняет меня голубой простор!
Откликается саз струною, Тебриз,
О весна моя, полная зноя, Тебриз!

Лица женщин твои, как луны, ясны,
Гнёзда вьют голубки вдоль белой стены.
Да живут они вечно, дети весны!
Да избежешь дурного глаза, Тебриз.
Последи за нитью рассказа, Тебриз!

Саттар-хан полководцем народа был,
Был он славного рода, народ любил,
Для родимой страны свободу добыл.
Путь его сохраняй, великий Тебриз,
И не гасни, пылай, солнцеликий Тебриз!

Распускаются ивы в весенние дни,
И герои твои отдыхают в тени,
Наставлениям дедов внимают они.
Кровь, как пламя, бежит по жилам, Тебриз,
Всё героям твоим по силам, Тебриз!

Отвечаю слезами рыданиям твоим,
Поделюсь с тобой достояньем своим,
Знаю, жить нам вдвоём, умирать двоим.
По любви заключён наш союз, Тебриз,
Неразрывнее нет в мире уз, Тебриз!

Не пристала печаль твоим взорам, Тебриз
Льются слёзы подобно озёрам, Тебриз,
Сердце сковано зимним узором, Тебриз.
Я пришёл разделить твою горе, Тебриз,
Повидать твои реки и взгорье, Тебриз.

В жертву кровь я багряным закатам отдам,
И садам, ароматом богатым, отдам,
И устам, называвшим братом, отдам.
Не насытятся очи твоей красотой,
Мой Тебриз, мой Тебриз, золотой Тебриз!

Тебриз. Октябрь, 1941

Не будь двуликим

Если добру служить тебе суждено, знай:
Быть вероломным, двуликим не должен ты.
Совесть у всех одна, как сердце одно, знай.

Если ты любишь свет — мрака ночей беги.
Если любишь весну — осень зачем тебе?
В сад твой пришла весна, и роз в нём полно, знай.

Жалким льстецом не будь, подлых рук не целуй,
Пред палачами стой с поднятой головой.
Радостей жизнь полна, нам много дано, знай!

Если добру служить тебе суждено, знай:
Быть многоликим и лживым не должен ты.
Совесть у всех одна, как сердце одно, знай.

Тебриз. Январь, 1942

Не тронь

Я твой язык не трогаю, гордец!
Не оскорбляй же мой язык, не тронь!
Есть у тебя свой сад, свои цветы —
Мои сады и мой цветник не тронь!

Завистник, ты глядишь на мой порог.
Немало причинил ты мне тревог,
Своей хулой ты тело мне прожѣг, —
И пепел не остынет в миг, не тронь!
Правдив язык мой, он богат и смел,
А ты его в свою петлю продел
И повести на плаху захотел...
Гнев сердца моего велик — не тронь!

Тебриз. 1942

Желание

Одна лишь правда мне нужна, друзья!
Любить собрата — вот моё желание.
До дна открыто сердце для друзей,
В нём правда лишь живёт, моё желание.
Ты словом правды камни рассечёшь!
В друзьях найти оплот — моё желание.
О кровный брат мой, вечно будь со мной,
Отваги видеть взлёт — моё желание.
Хлеб-соль с тобою делим мы вдвоём,
Быть смелым средь невзгод — моё желание.
Свободу я добыл, и о тебе
Страдать и думать — вот моё желание.
Отрину смерть, и, смерть опередив,
Свобода к вам придёт — мое желание.
О Сулейман! пусть голос твой звенит.
Свободным будь народ — моё желание.

Тебриз. Декабрь, 1941

Послание поэту

Отзвук песен моих слышен в шелесте трав и цветов, —
Ты у роз и у ветки зелёной спроси обо мне.
За излучиной дальней дороги меня не ищи, —
Здесь, у рощи, зарёй озарённой, спроси обо мне.
Я о родине милой и ночи и дни грущу, —
В храме скорби и грусти бессонной спроси обо мне.

Если слышишь, как узник вздыхает, цепями гремя, —
У темницы, где слышатся стоны, спроси обо мне,
Светлоликой я отдал безумное сердце своё, —
Ты у чаши хрустальной, гранёной, спроси обо мне.
И в разлуке свирелью поёт о любимой душа, —
Ты у песни, любви посвящённой, спроси обо мне.
Знаю, время изменится — мир мне предстанет иным, —
Ты в чертогах земли обновлённой спроси обо мне.
Жжёт любовь моё сердце, и родина тоже в огне, —
У крылатой души опалённой спроси обо мне.

Тегриз. Февраль, 1942

Встреча

По гюлистану проходя, я вдруг увидел ту,
Чьей колыбелью был Кавказ... и стало грустно мне.
И, не узнав бывлой красы, услышав только вздох,
Я жизнь увидел без прикрас, и стало грустно мне.
Мечты увяли, как цветы. Забытою навек
Она казалась в этот час, и стало грустно мне.
— О чём горюешь? — я спросил и заглянул в глаза.
Безмолвье подружило нас... И стало грустно мне.
И просветлённый взгляд её мне говорил: «И я
В гнезде любимом родилась» — и стало грустно мне:
«О брат мой, я была иной — и не один мечтал
Увидеть глубь газельих глаз». И стало грустно мне.
— Клянусь, я разомкну кольцо страданий и обид!
И клятва к небу вознеслась... И стало грустно мне.
Всю ночь о ней я горевал и не смыкал очей,
И проклинал я разлуки час, и стало грустно мне.

Тегриз. 1942

Зови!

Если грустно — подругу в меджлис¹ без обмана зови,
Розоустую пери с глазами джейрана² зови!

¹ Меджлис — собрание, дружеская пирушка.

² Джейран — газель, дикая коза.

Жар любви погасить невозможно — сильнее разгорится,
Хоть на помощь все реки, моря, океаны зови!

Сущность жизни — любовь, только встреч и разлук
вереница...

Мне не веришь, — в свидетели старца Хайяма зови!
Тот, кто ранен разлукой, не может ничем исцелиться
Кроме встречи, — к нему в лекаря хоть Локмана зови!

Если буря любви налетит, — берегись ошибиться:
Никого не зови — одного Сулеймана зови!

Тебриз. Февраль, 1942

Находит.

Взор мой любимую вновь в гулистане находит!
Сердце предчувствием бьётся заране: находит!
Розу к груди соловей прижимает весною, —
Шип её острый в сердечной он ране находит.

Не признаю без разлуки свиданий. Не скрою:
Юноша хмель и в темнице страданий находит!

Славы достойный поэт не стремится к покою:
Славу и святость в любовном дурмане находит!

Кто мою милую сделал недоброй такую —
Только дурное она в Сулеймане находит!

Тебриз. Февраль, 1942

На берегу Аракса

Уста влюблённого ашуга печаль струят,
Дни осыпаются в разлуке, как листопад.

Как соловей, любовник розы, я свил гнездо
На розовом кусту, где розы в шипах язвят.

Порой задумаюсь глубоко, тоской объят,
И в тёмном зеркале увижу печальный взгляд.

И саз возьму, не прикасаясь к его струне,
Не о надежде, о спасении, молю стократ.

У волн бушующих Аракса один стою.
Мой саз разбит, и глухо струны его звенят.

Тебриз. Февраль, 1942

Девушке, которая плачет и смеётся

Ах, в сердце у тебя глубокой раны след,
Перевязать его любовью рад поэт.
Не бойся полночи, — не так далёк рассвет.
Заре придёт черёд, красавица моя.

Блаженство созерцать тебя, ты так чиста,
С чем мог бы я сравнить твои глаза, уста?
Ведь для поэта ты, как и для всех, мечта.
Кто сглазит этот рот, красавица моя?

Улыбка всё в тебе: чело, походка, бровь,
И щёки алые твои, моя любовь,
И ямочки тех щёк. О нет, не прекословь —
Печаль твоя пройдёт, красавица моя.

Поэт, что так влюблён в волшебный образ твой,
Поэт, что опьянён твоей красой живой,
Поэт, что поражён стрелою огневой,
Тоску твою поймёт, красавица моя.

Смеешься ты, забыв печаль своих речей,
Но вновь дрожит слеза — хрусталь родных ключей.
О, перестань, не плачь, мне жаль твоих очей.
Верь, жизнь для нас цветёт, красавица моя.

Тебриз. Февраль, 1942

Лейла

Во мраке бедствовал народ, рекою скорбь лилась,
Но солнце вспыхнуло, когда малютка родилась.
От сглаза ожерелье ей надели второпях:
«Быть может, счастье принесёт, будь милостив, аллах!»

Ребёнка спеленала мать и принялась качать,
Какой конец малютку ждал, ещё не знала мать.
И назвала её Лейлой, надеждами полна,
В счастливую звезду Лейлы поверила она.

Увы! развеялись мечты, был чёрный рок жесток,
И радоваться на земле в те дни никто не мог.
И лезвие меча мороз неожиданно обнажил...
А голод вслед за ним пришёл и жертву сторожил.

На колыбель Лейлы нужда уставила свой взор,
И стало некому смотреть за девочкой с тех пор.
Смерть распростёрла над Лейлой холодное крыло,
И много слёз лилось в ту ночь над маленькой Лейлой.

О мертвых память коротка, забвенье — их удел,
И даже траура никто из близких не надел.
На тельце нежное Лейлы суровый саван лёг,
И горевала о Лейле родня недолгий срок.

С зарёю вынесли её и предали земле,
Спустились ласточки на холм, чтоб плакать о Лейле.
Дни проходили чередой, печален был их шаг:
Земля, и небо, и луна — всё погрузилось в мрак.

Не горевали о Лейле, беда страшной пришла.
И, как могила, жизнь тесна для бедняков была.
Что толку плакать? Не вернёшь ребёнка никогда!
И ночь была. Уснули все. Светилась лишь звезда.

Вдруг растворилась настежь дверь в передрагсветный час,
«Не бойтесь, — вымолвила смерть, — Лейла позвала вас».

Тегриз. Февраль, 1942

Тебризской женщине

Расскажи, молчаливая, почему
Чёрной тучею кóсы накрыла ты?
Скорбь рукой провела по лицу твоему,
И слезами унынья глаза налиты.

Не под силу мне видеть угасший взор,
Закипает от ярости кровь моя, —
К солнцу, к морю, к просторам тебризских гор
Руки чёрные тянутся — вижу я.

Каждый стон отзывается в сердце моём,
Каждый вопль по ночам разрывает сны.
Почему твой тюльпан, что сердцем зовём,
Не цветёт под могучим солнцем весны?

— Если ты разделяешь печаль мою,
Я откроюсь тебе, мой безвестный брат.
Не найти мне отраду в родном краю,
Каждый каменносердый унизить рад.

С головой непокрытой, в тряпье чужом,
Я голодная по мостовой иду.
Твой вопрос мне по сердцу прошёл ножём,
Я тебе расскажу мою беду.

Нету совести, нету у палача,
Сластолюбец, он топчет женскую честь.
Он злорадствует, сердце моё топча.
А разве он знает, как хочется есть?..

Я за хлеба кусок продалась, и он
Проституткой назвал, осквернив мой дом.
Но презренный позором моим заклеимён,
Ремесло ненавистное — память о нём.

Он меня осудил бродить по ночам,
Солнце он погасил, отравил ручьи.

Он тоски никогда не изведал сам,
Разве тронут такого слёзы мои?

Брат мой, видишь, как горько моё житье.
Рассуди справедливо, — кто виноват?
Миллионом проклятий — молчанье моё,
Миллионом проклятий — мой каждый взгляд.

Я стала чужою в родной стороне.
И мне не дожидаться отрадного дня,
Я кашляю кровью, и кажется мне,
Что злой этот кашель задушит меня.

У тех, похотливых, не сердце в груди,
Но камень! Поймут ли, что гибну в тоске?
Лишь боль, и позор, и панель впереди,
И сердце трепещет, как птица в силке.
Вот — участь, что мне предназначил палач.
О брат, хочешь — смейся, а можешь — заплачь.

— Так будь они прокляты, о палачи!
Сестра моя, солнце победы встаёт.
От севера к югу стремятся лучи —
На севере нашего солнца восход.

Тегриз. 21 декабря, 1941

Гюльбахар

(Весенняя роза)

О, поведай, роза весны,
Отчего твои дни черны?
Расскажи о своей судьбе,
Всё хочу узнать о тебе.
День настанет: падёт тюрьма,
И рассеется злая тьма.
Говори, сестра, говори.
Стану слушать хоть до зари.

Как по скрипке вода смычком,
Ты играй на сердце моём.
О, не плачь, сестра, не грусти,
Ещё будут розы цвести.

Кто б ты ни был, послушай, брат,
Повесть горечи и утрат.
Сердце раной ноет в груди,
Чёрный-чёрный день позади.
Что бесправней судьбы моей?
Бьюсь о прутья клетки своей.
Я, как сорванный ветром лист,
Что в немой пустоте повис.
А ведь я хороша была,
Апшеронской розой цвела.
Говорили подруги мне:
— Ты румяней роз по весне. —
Но недолог девичий час:
Время кровью плачет о нас.

Помню я: вот отец придёт,
Мать наш старый очаг зажжёт, —
И мы слушаем в полутьме
О гоненьях и о тюрьме.
Говорил нам часто отец,
Что бесправью придёт конец
Этой речи внимали мы,
Забывали печали мы.

* * *

Но беда приключилась, брат, —
Был в тюрьму наш родимый взят.
Затонула в море ладья —
Горемычная жизнь моя.
Ох, бездымен огонь тоски
И жестоки её тиски.
Так пришла беда на порог,
И никто нам в ней не помог.

Мать от горя в постель слегла,
Как осенний цвет отцвела.
Тая тихо, как воск свечи,
Как вечерней зари лучи.
Засверкал тут мечом мороз,
И ценою горючих слез
Доставался нам хлеб сухой.
О, жестокость судьбы глухой!
Плакал брат и просил поесть,
Всё мы продали, всё как есть,
И зывали мы к небесам:
Справедливыми будьте к нам!
И тоскуя сказала мать:
«Для чего мне лекаря звать,
Для меня уж сомненья нет,
Облетел моей жизни цвет.
Жалко жизни мне, жаль любви,
Но умру я, а ты — живи».
И закрыла глаза она,
Я осталась совсем одна,
Стала плакать я день и ночь.
Кто бы смог сироте помочь?
Еле теплилась жизнь во мне,
Тосковала я о весне.
Кроме слёз, не стало друзей,
Кровь на розах жизни моей.
Дни текли. Вновь пришла весна.
Жизнь была, как тюрьма, тесна.
Нет работы для сироты,
Нет исхода из нищеты!
Но соседи нашли исход:
— Пусть девчонка замуж идёт. —
Плохо замужем мне жилось,
Пролила я немало слёз.
Бил меня ненавистный муж,
Игроком он был, и к тому ж
Постоянно гашиш курил,

По ночам он пил и кутил,
Возвращался под утро пьян,
Вечно пуст был его карман.
Человеческий облик он
Потерял, вином ослеплён.
И единственный перстень мой,
Память матери дорогой,
Безрассудно он проиграл,
Сердце он моё обокрал.
Билась рыбой я на песке
В безысходной, глухой тоске.
Розы молодости моей
Стали горстью чёрных углей.
И однажды, о горе, вдруг
Мне сказал мой злодей-супруг,
Чтоб я шла себя продавать
И его долги покрывать.
Он сказал: «Собирайся в путь,
Хлебным деревом моим будь!»
Я вскипела, как горный ключ,
Гнев мой яростен был и жгуч.
«Где ты, смерть? Помоги же мне!» —
Закричала я, вся в огне.
Я не помнила ничего
И вцепилась в горло его.
Он бранился, рычал, как зверь,
И уж я не помню теперь,
Как в руке очутился нож.
Меня била ярости дрожь.
Нож воткнула я в грудь ему,
И меня отвели в тюрьму.

* * *

А теперь ты скажи мне, брат,
Кто из нас двоих виноват?
Ведь не камень сердце твое,
Облегчи же горе моё.
Здесь терзают меня враги,
Стать свободной мне помоги».

Я ответил: «Не плачь, сестра,
Минет горестная пора,
И настанут ясные дни,
Как ручьи, зажурчат они.
И тогда ты счастье найдёшь,
Легкой птицей взлетишь-вспорхнёшь.
Солнце руку тебе пожмёт,
И растает обиды лёд,
Позабудешь ты боль от ран,
Будешь жить, как я — Сулейман».

Тебриз. 10 февраля, 1942

Цветов не рвать...

Цветов не рвать врагу в саду моем:
Я умереть готов за мой народ,
За край родной и милый отчий дом.

Мне будет солнце знаменем в бою.
Пусть даже кровью сердце изойдет —
Я не склонюсь пред хищником-врагом!

Сожжет врага огонь, что я таю.
Пусть даже смерть меня в бою найдет —
Живут мечты мои в краю родном!

Цветов не рвать врагу в саду моем:
Я умереть готов за мой народ,
За край родной и милый отчий дом.

Тебриз. 1942

О Г Л А В Л Е Н И Е

Клятва. Перев. <i>Б. Державин</i>	3
Кавказской армии. Перев. <i>Л. Шифферс</i>	4
Душа Кавказа говорит. Перев. <i>А. Адалис</i>	6
Их было трое. Перев. <i>А. Адалис</i>	8
Кёр-Оглу. Перев. <i>А. Адалис</i>	14
Родине. Перев. <i>А. Плавник</i>	15
Живёт. Перев. <i>А. Плавник</i>	15
Самая любимая. Перев. <i>К. Арсенева</i>	16
Не умрёт. Перев. <i>К. Арсенева</i>	16
Песня о победе. Перев. <i>А. Адалис</i>	17
Кавказская зима. Перев. <i>А. Адалис</i>	18
Возвращение. Перев. <i>Л. Шифферс</i>	19
Почтальон. Перев. <i>А. Адалис</i>	20
Ответ старика. Перев. <i>Д. Кедрин</i>	23
Лети, мое сердце. Перев. <i>К. Арсенева</i>	26
Пусть не плачет. Перев. <i>С. Мар</i>	27
Вспомнилось мне. Перев. <i>К. Липскеров</i>	27
Тебе. Перев. <i>М. Петровых</i>	28
Жду. Перев. <i>М. Петровых</i>	28
Я видел. Перев. <i>М. Петровых</i>	29
Наши матери. Перев. <i>В. Звягинцева</i>	29
Поэт. Перев. <i>М. Замаховская</i>	31
Настанет день. Перев. <i>В. Звягинцева</i>	32
Из поэмы «Илдырым». Ночь. Ожидание Перев. <i>С. Мар</i>	34
«Возвращение» Перев. <i>Э. Левонтин</i>	37

И р а н с к и е с т и х и

Журавли. Перев. <i>С. Мар</i>	39
Тегриз. Перев. <i>С. Мар</i>	40
Не будь двуликим. Перев. <i>В. Звягинцева</i>	42

Не тронь. Перев. <i>А. Плавник</i>	42
Желание. Перев. <i>А. Плавник</i>	43
Послание поэту. Перев. <i>А. Арсенеса</i>	43
Встреча. Перев. <i>А. Плавник</i>	44
Зови. Перев. <i>А. Адалис</i>	44
Находит. Перев. <i>А. Адалис</i>	45
На берегу Аракса. Перев. <i>С. Мар</i>	45
Девушке, которая плачет и смеется. Перев. <i>В. Зяиченцева</i> . .	46
Лейла. Перев. <i>С. Мар</i>	47
Тегрибаской женщине. Перев. <i>М. Петровых</i>	48
Гюльбахар. Перев. <i>В. Зяиченцева</i>	49
Цветов не рвать. Перев. <i>М. Замаховская</i>	53

Редактор С. Х и т а р о в а.

Подписано к печати 11 августа 1943 г.

A2624. 1³/₄ печ. л. 2,61 уч.-авт. л.

Заказ № 1255. Цена 1 руб.

Тираж 10 000 экз.

3-я типография «Красный пролетарий»

Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига».

Москва, Краснопролетарская, 16.

21100/07

